

Склад копипасты:Йожиг фтумани — Urbanculture

Фидо

ЙОЖЫГ ФТУМАНИ..

Группы новостей: fido7.su.kaschenko.local

Автор: Йож <Йож@f1024.n5025.z2.fidonet.org>

Дата: Fri, 04 Jan 2002 18:35:41 +0300

Местное время: Пт. 4 янв 2002 10:35

Тема: А вот и тот самый анек про йожыга в тумане!

Копипаста

Автор: Йожъ

Доставил: Участник:Drkenny

Источник: su.kaschenko.local

[Вернуться на склад](#)

Эпиграф: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сёрдцем, проповедывать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедывать лето Господне благоприятное». (Лк. 4:18-19)

По вечерам **Йожык** ходил к Мошиаху в гости. Они усаживались на брёвнышке и, прихлебывая свежезаваренную эвтаназию, смотрели на звёздное небо. Оно висело над крышей — прямо за печной трубой, делившей сферы влияния. Справа от трубы были звёзды Мошиаха, а слева — Йожыка...

Йожык сначала шёл по полю, потом вошёл в лес, а когда вышел на опушку, за ним уже тихонько крался ТФилин.

Но Йожык и не подозревал об этом.

Он шёл, задрав морду к небу, по давней, шестидесятилетней уже, привычке заложив лапки с узелком за спину, и вдруг остановился так неожиданно, что ТФилин чуть не налетел на него. «**Магендавид!**» — подумал Ёжик о звезде в небе.

И удивленно поглядел на звёзду, словно впервые её увидел.

«И влужэ звизда ынцчихпых... наши визде!», — продолжал размышлять Йожык.

И ТФилин, вслед за ним, подошёл к луже, но ничего, кроме себя, Филина, не увидел и, рассердившись, взбудоражил своей мохнатой лапой воду.

А Йожык уже глядел в тёмный старый колодец, — нет ли и там могоендавида?

— Йок-мамбык! — сказал Йожык. — Ха-ла-ко-о-о-ост!.. — загудел старый колодец.

Йожык послушал, прыгнул на землю и снова, словно бросил камень, угукнул: «У-гу»

А на покосившийся колодезный сруб тут же взгромоздился и ТФилин. — Угу! — закричал он.

И тут они заухали, прислушиваясь друг к другу, — ТФилин и старый колодец.

А Йожык со своим узелком тем временем шагал себе дальше, как бы беседуя вслух с Мошыахом:

— ...и Он услышал исчертога Сваиво голас мой и вопль мой дашол даслуха Иво... потрислась фсколебались зимля дрогнули и падвиглись аснованийа нибес иба разгневалси... паднялси дым ат гнева Иво и ис уст иво мабык паядающчий... горячии угли сыпались ат ниво... мажживелавый... накланит Ён нибиса и сайдеть; и мрак пад нагами Иво... и онмне скажыт... а он мине скажыт: «Вот и самовар простыл. Надо бы веточек подбросить этих... ну, как их... можжевёловых!» А йа иму скожу... а ца иму скожу... улю кирдык йа иму скажу! маца где юля аксана махнатайа!..

И вдруг застыл: прямо перед ним из кумара выплыла Лошадь, совершенно белая.

«А интиресна, — подумал Ёжик, вспомнив особенно часто звучавшие в последнее время советы знакомых завязывать с психоделиками, — эсли капля никатина убивает лошыть то што будит эсли белая лошыдь ляжыт спать ана низахлибниоцца фбелам кумари?»

И он начал медленно спускаться с горки вдоль обрыва, чтобы попасть в туман и посмотреть, как там внутри.

«вот. никирдыка нивидна. и дажы лапы нивидна... „мажживелавых-мажживелавых“... дакурилси аксана юкутэ. **Лашаа-а-а-атка!**» — ставши у края обрыва, позвал он.

Но Лошадь ничего не ответила. «Знаем мы ваши жыдовские штучки», — подумала она. И тут на Йожыка, шурша и осыпаясь, обрушилась тишина. Это был всего-навсего сухой лист, но Йожык так испугался, что подумал: «Начилось!!!»... А когда выглянул, из-под листа, таинственно покачивая своим домиком, медленно уплыла в туман улитка...

Йожык осторожно приподнял сухой лист... «А-ха, а-ха!» — вздымая боками и раздуваясь до неба, шумно задышал слонopotам. Или это был не слонopotам? Потому что через секунду уже никого не было.

Йожык, привычно ничего не понимая, аккуратно положил лист на место и на цыпочках, пятясь, ушёл в кумар...

И сразу же из кумара выглянула большая добрая голова Лошади. Голова вкусно, по-лошадиному, пофыркивала и хрумтела травой. «Фр-р-р!..» — вздохнула Лошадь, и сухой лист, как живой, взметнулся и отполз в сторону.

«Вз-з-з!» — зазвенело где-то вдали. «Вз-з-з!» — зазвенело у Йожыка над головой.

Это, криво свернув, метнулась в воздухе и пропала летучая мышь.

Ёжик даже не успел перепугаться, как зазвенели тихие колокольчики и над ним, будто тополиные листочки под ветром, засеребрилась лёгкая стайка ночных бабочек.

«Эхехехехе!» — обрадовался Ёжык, поняв, что словил таки центры и, представив себя ночной бабочкой, даже немножко поплясал в воздухе. И тут из кумара, словно из форточки, снова появился ТФилин.

— Угу! У-гу-гу-гу-гу-гу!.. — завопил он. «Псих», — подумал Ёжык. «тоблетку иму... или укол». Он достал шприц и, взяв его наперевес, двинулся сквозь кумар. Шприц, как слепой, блуждал в тумане, будто ища вену, пока не уперся во что-то твердое.

«Тыгыдым-тыгыдым!» — постучал Ёжык. Положил узелок и, перебирая по игле лапами, сначала нащупал, а потом разглядел перед собой дерево с огромным дуплом.

— Дятел! — как бы пробуя голос, осторожно выдохнул Ёжык. — А-а-а!.. — загудело дерево.

Ёжык попятился и вдруг вспомнил про узелок. Маца! Он метнулся назад, вернулся, бросился вперед, крутнулся на месте, — узелка не было...

Ёжык сорвал травинку, на которой сидел светлячок, и, высоко подняв её над головой, словно свечу, наклоняясь и вглядываясь себе под ноги, побрел в тумане.

Деревья, как мачты, тонули во мгле.

Светлячок — маленький зелёный маяк — еле-еле теплясь, покачивался в тумане, освещая дорогу.

Но тут и он упал в траву и погас. И вдруг:

— Й-о-жы-ы-ык!.. — будто с края земли донёсся до Ёжыка небесный глас Мошиаха.

Ёжык побежал на голос, но всё закружилось у него в голове: ему показалось, что снова задышал слонопотом, выплыла огромная, как слон, улитка, метнулась летучая мышь, застучали дятлы, обрушился лист, зафыркала лошадь, опять задышал слонопотом... И сквозь всё это — единственной реальностью — слышался далёкий крик Мошиаха: «Й-о-жы-ы-к!..»

Ёжык упал в траву и закрыл глаза.

Но вот из тумана появилась Собака.

Она жарко дышала, и пасть её была, как пожар на снегу: красный язык, сахарные зубы!

Ёжык крепче перехватил шприц с эвтаназией, но Собака только его обнюхала с ног до головы, широко зевнула, лязгнув зубами, и убежала.

Несколько мгновений Ёжык не знал, что ему делать, но тут снова зашлёпали по траве собачьи лапы и...

Ёжык вытянулся и застыл....А Собака сунула ему под мышку узелок и исчезла.

— Й-о-о-жыыык!.. — снова донёсся издали крик. Мошиаха.

— Улю кирды-ы-ык! — рванулся на крик Ёжык, но — бултых! — упал в воду.

«Йа врик», — сообразил Ёжык и похолодел от холода.

Когда он вынырнул, было по-прежнему темно, и ёжык даже не знал, где берег.

«Третьяа принатальнаа матріця!» — подумал он. Как мог, глубоко вздохнул, и его понесло вниз по течению. А где-то далеко в деревне выло рымшо. Высоко в небе холодно блестели звёзды... и Ёжыку казалось, что его несёт Иордан, а на самом деле это была маленькая узкая речушка, которая петляла, как шушпан.

Вот над Ёжыком медленно проплыла голова Лошади...

А река шуршала камышами, бурлила на перекатах...

«Йа сафсем прамок. и скоро утану», — думал Ёжык.

Вдруг кто-то дотронулся до его задней лапы.

— Здгавствуйте, — почти беззвучно спросил кто-то, — кто ви и как сюда попали?

— Цобэ улю! — тоже еле слышно ответил Ёжик. — Хади-хади.

— Ви антисемит? — спросил его кто-то.

— Апачиму ви эсть спрашивайт? — с немецким акцентом ответил Ёжык.

— Ой, не морочьте мне гойлову! Таки садитесь ко мне на спину, — тихонько проговорил кто-то. — Я отвёзу вас на берег.

Ёжык сел на чью-то узкую скользкую спину и через минуту оказался на берегу.

— Аспейсиба! — уже громче сказал он.

— Не за что! — так же почти беззвучно промолвил кто-то, кого Ёжык даже не видел, и пропал в волнах...

* * *

...Ночные бабочки бились о стекло керосиновой лампы и сгорали, словно в неиллюзорной мойшине Хохлокоста, повторяя в миниатюре трагедию Эрец Исраэля...

Ёжык с узелком сидел на бревнышке и застывшим взглядом смотрел прямо перед собой.

— Где же ты был? — плюхнувшись на бревно рядом с Ёжыком и тяжело дыша, спросил Мошиах. — Я звал, звал, а ты не откликался! Ещё ли окаменено у вас сёрдце? Имея очи, не видите? имея уши, не слышите? и не помните? Когда Я пять хлебов преломил для пяти тысяч [человек], сколько полных коробов набрали вы кусков?

Ёжык ничего не ответил. Он только чуть скосил глаза в сторону узелка с мацой...

— ...А я и самовар раздул, и веточек... этих... как их...

— угу аля юкутэ. мажжывелавых!.. — фыкнул Ёжык, — кумар нафсю далину. сланапатамы ужэ сами сабой заводяцца...

— Ага! — радостно сверкнул нимбом Мошиах. — Чтоб дымок пах! И креслице придвинул!.. Ибо иная слава солнца, иная слава луны, иная звёзд; и звезда от звезды разнится в славе. Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстаёт в нетлении; сеется в унижении, восстаёт в славе; сеется в немощи, восстаёт в силе; сеется тело душевное, восстаёт тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное... после скорби той, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звёзды спадут с неба, и силы небесные поколеблются. Тогда увидят, ссуки, Сына Человеческого, грядущего на облаках с силою многою и славою. И тогда Он пошлёт Ангелов Своих и соберет избранных Своих от четырех ветров, от края земли до края неба. Ведь кто же, кроме тебя, звёзды-то считать будет?! Вот, думаю, сейчас придёшь, сядем...
...Мошиах говорил, говорил, а Йожик думал: всё-таки хорошо, что мы снова вместе. И ещё Йожик думал о Лошади. Как она там, в кумаре?..

— http://kaschepuzia.kaschenko.ru/Произведения_Йожа